

ПОЛА БРЕКСТОН

ПОЛА БРЕКСТОН

ДОЧЬ ВЕДЬМЫ

like
book
МОСКВА
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б87

Paula Brackston
THE WITCH'S DAUGHTER

Copyright © 2010 by Paula Brackston
Published by arrangement with St.Martin's Press, LLC
All rights reserved

Перевод с английского *Екатерины Ракитиной*
Художественное оформление *Сергея Власова*

Брекстон, Пола.
Б87 Дочь ведьмы : [роман] / Пола Брекстон ; [пер. с англ. Е. Ракитиной]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Хроники теней).

ISBN 978-5-699-92524-7

Уэссекс, 1628 год. У Бесс не осталось никого: ни матери, ни родных, ни друзей. Она продирается сквозь колючие заросли к морю, ползет по холодной земле. Ей нужно спастись от преследователей. Но охотники за ведьмами не дремлют. Они сделают все, чтобы вернуть беглянку и предать огню.

Англия, наши дни. Теган всего семнадцать, но у нее уже столько проблем. Вечные переезды, отсутствие друзей, одиночество — все это ранит ее. Но однажды судьба дарит ей встречу с загадочной женщиной. Теган понимает, что в странной отшельнице может обрести друга, о котором давно мечтала.

Впереди у них не только долгая дорога к доверию, но и страшная битва со злом. Битва, которая закончится в старом лесу, где предстоит сгореть древним дубам и букам.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-92524-7

© Ракитина Е., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*Саймону, который знает,
чего это стоило*

Бэтком, Уэссекс 1628 год

Бесс бежала. Ясного ночного неба и жирной луны было довольно, чтобы озарить ей путь. Она страшилась рассвета, ведь с ним ее отсутствие должны обнаружить, и тогда начнется охота. Кандалы, по-прежнему замкнутые на ногах, даже при крошечном шаге колотили ее по лодыжкам, с каждой свисало единственное звено, оставшееся от разорванных цепей. Железо впивалось в молодую кожу, и вот следом за Бесс уже потянулась кровавая полоса. Ее босые ноги шлепали по мелкой грязи, повторяя путь, столь знакомый, словно он был отпечатан в мозгу, отчетливо нанесен на карту, так что свернуть с него, выбежав за околицу деревни и устремившись к лесу, было нельзя. И все же короткая дорога казалась длиннее, чем обычно, деревья словно отступали от Бесс, отстранялись от ее kloкочущего страха, не становясь ближе, как бы она ни мчалась.

Это обман зрения. Всего лишь игра лунного света и тени. Вперед, без колебаний!

В ушах отдавалось собственное дыхание, достаточно громкое, чтобы разбудить спящего некрепким сном в доме на отшибе, стук сердца вдруг загремел так, что его нельзя было не услышать. Она прибавила ходу, и ее, наконец, укрыли под своей сенью первые тонкие деревца. В зарослях тьма была со-

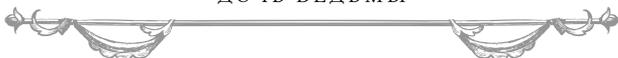
всем иной. Лунные лучи пробивались сквозь молодую весеннюю листву, дробясь и рассыпаясь, а корни и колючие кусты цеплялись за платье Бесс. Она бежала вперед. Вскрикивала, обдирая стопы о камни. С плеском перебралась через ручей, и студеная вода на мгновение притупила боль ее ран, прежде чем песчанистая лесная земля не начала снова с каждым шагом забиваться все глубже и глубже в разорванную плоть. Ухнула сова, недовольная появлением Бесс. Барсук втянул морду обратно в нору, ожидая, чтобы помеха ушла с пути.

Прохладный ночной воздух жег беглянке горло. Кашляя и задыхаясь, она все равно не замедляла шаг и не заботилась о том, чтобы побережиться после стольких часов заточения в тюремной камере, где было не пошевелиться. Здесь, по крайней мере, было чем дышать. Бесс взобралась на пологий холм и остановилась, ухватившись за ствол высокого ясеня, чтобы устоять на ногах. Лес она чувствовала на вкус, языком: мох, серебряный лишайник, бегущий сок деревьев. А кроме того, было еще два ясных, осязаемых ощущения: ее собственный страх и море. И то и другое — соленое, и то и другое напоминало об ужасе и свободе. Она всмотрелась туда, куда вела тропинка, в глубину леса. Там крылось спасение от тех, кто держал ее в неволе. Там ждал ее он, и у него были наготове лошади, припасы, план и место ночлега. Она оттолкнулась от дерева, собрала оставшиеся силы, но что-то ее удержало. Что-то внутри велело ей подождать. «Подумай, — сказала оно, — подумай, чего будет стоить такая свобода».

Далекий звук заставил ее вздрогнуть. Собаки! Они вот-вот настигнут беглянку; мешкать нельзя. Но голос внутри было не заглушить. «Подумай», — остерегал он.

Мама? Как мне быть?

В ответ ночной ветер наполнил ее ноздри запахом моря. Лай собак со стороны деревни стал громче, теперь за ним

слышались голоса. Внимание Бесс привлекло движение впереди, во тьме. Она, без сомнения, различила очертания всадника и лошадей. Те, кто охотился за ней, лишат ее жизни, это девушка знала точно. Но какую цену она заплатит Гидеону за свободу?

Нет. Я к нему не пойду. Не пойду...

Она повернула и бросилась по тропинке, шедшей на восток, прочь от деревьев, прочь от голодных собак, прочь от него. Через пару мгновений вырвалась из леса и помчалась по пружинящему дерну, по открытой местности, к тому единственному, что ей осталось, — к морю. Она не столько услышала, сколько почувствовала, что он преследует ее. Оглянуться девушка не смела. Когда она добралась до тропинки среди скал, над горизонтом поднялось влажное солнце, за которым тянулся по морю горький кровавый след. Плоский, без теней, дневной свет пришел на смену ночи, и Бесс оказалась на виду. На скале, у обрыва, беглянка остановилась. Глядя в сторону деревни, она видела пылавшие в сером сумраке факелы и различала смутные, лишённые черт фигуры, быстро приближавшиеся к ней. Даже сквозь завораживающий шум волн беглянка услышала, как бьют оземь копыта. Он не звал ее, но она узнала его голос у себя в голове: «Бесс! Бесс! Бесс!»

Девушка не хотела оборачиваться. Встретиться она с ним взглядом, воля оставила бы ее. Внизу, под высокой водой, не было видно песка, только глубокое море и дробящий кости известняк и кремень. Солнце взобралось выше, и, подняв глаза к облакам, Бесс увидела небо, возвещавшее конец света, прежде чем шагнула вперед, в никуда.

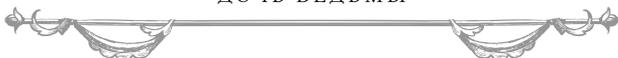
Меня зовут Элизабет Энн Хоксмит, мне триста восемьдесят четыре года. Каждое новое место требует новой летописи, и здесь начнется моя «Книга теней».

Имболк

2 февраля 2007 года,
полнолуние

В первое утро в коттедже «Ива» я проснулась на рассвете, под густой снегопад. Окрестности робко кутались в горностаевый мех, дожидаясь, пока смогут открыться мне при более близком знакомстве. Небо ненадолго зарделось, поманив ускользящим теплом. Из окна спальни, как я и ожидала, открывается прекрасный вид на деревню Метрейверс. Домик мой стоит на возвышенности за лугом, он приятно отделен от скопления коттеджей под соломенными кровлями и короткого ряда кирпичных домов, образующих центр деревни. По краям луга, который также может похвастаться ручьем в меловых берегах и прудом для уток, обосновались почта и магазинчик, постоянный двор с претензией и автобусная остановка, с которой ребятишек забирают в школу, а пенсионеры ездят на еженедельный рынок в Пасбери. Церковь стоит на другой стороне луга, чуть в глубине, ее почти полностью скрывают могучие тисы. По улице за церковью можно выйти к каналу, который убегает на восток, к Пасбери. От крыльца дома я замечу любого, кто идет в мою сторону, а скромные заросли во дворе обе-

спечивают мне уединение. Я самостоятельно могу выбирать, когда видеть людей, а когда не быть на виду.

Я изо всех сил стараюсь быть неприметной, насколько позволяет моя, скажем прямо, необычная внешность. Женщина, которая живет сама по себе, всегда привлекает внимание, особенно если она чем-то отличается от прочих. Из этих соображений я собираю свои длинные волосы в свободный хвост и часто ношу шляпу. Отец говаривал, что у меня осенние волосы и что это, наверное, оттого, что я родилась в сентябре. Что верно, то верно, цветом кудрей я удалась под стать этому времени — смесь лощеного блеска спелых каштанов и яркой дубовой листвы, отливающей медью, когда год клонится на убыль. Сам по себе такой цвет, даже в сочетании с исключительной длиной волос, не вызывал бы любопытства. А вот то, как эти насыщенные тона оттеняют широкую белую прядь, сбегаящую ото лба справа, заставляет незнакомцев присматриваться. Это не серебристая отметина зрелости, это снежно-белая полоса, ледяной мазок, словно богиня зимы коснулась меня и оставила след. Хотела бы я, чтобы происхождение этого «подарка» было так безобидно. Но правда куда мрачнее.

К тому же я высокая и, несмотря на изрядный возраст, по-прежнему живая и сильная. Судя по внешнему виду, мне не дашь больше пятидесяти. Я одеваюсь удобно и практично, так чтобы не привлекать внимания. Сейчас, похоже, моду можно приспособить к капризу любой женщины, и свои длинные юбки, любимые богатые ткани, дорогие мне предметы одежды, собранные за много лет скитаний по земле, я могу носить, выглядя всего лишь немножко чудаковатой.

Уверена, коттедж после некоторых изменений хорошо подойдет для моих нужд. Я собираюсь проложить дорожку от задней двери к ручью, который бежит под ивами, давшими дому имя. Изгородь из остролиста по переднему краю двора надо бы

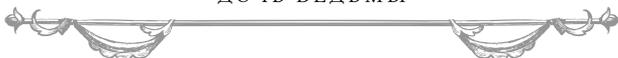
засадить погуще, а еще нужно будет отыскать место для бузины, березы и рябины, когда придет время. Сад предстоит полностью перекопать и как-то исправить нехватку тени с западной стороны дома. Огороду там будет хорошо, но места много, а любые другие посадки точно засохнут. Дом пока пусть остается как есть, лишь бы дурная погода не помешала мне работать на улице. Если ночь нынче выдаться ясная и лунная, я промерю огород и размечу его ореховыми прутиками. Может, даже отважусь выйти на ночную прогулку, хотя вряд ли дойду до опушки большого леса, который виден на горизонте за домом. Он манит меня, но я еще не готова туда отправиться. В другой раз.

В такой ясный день, как сегодня, когда все кругом свежо и устремлено в будущее, легко на какое-то время забыть о прошлом. Словно оно не может бросить тень на незапятнанный снег. Имболк¹ — мое любимое время для поисков дома, оно знаменует взгляд в будущее, ожидание возрождения и обновления. Но расслабляться нельзя. Нельзя позволять себе утратить бдительность. Живописные окрестности, конечно, вполне безобидны, такими же, предсказываю, окажутся по большей части и мои соседи. Опасность, как всегда, придет издалека. Она не сидит в засаде, а неотступно следует за мной. Мне нельзя становиться уязвимой, поддавшись иллюзии безопасности.

**6 февраля 2007 года,
Луна в третьей четверти**

Снег все еще окутывает долину, хотя его уже запятнали. Судя по следу, оставленному брюхом барсука, по моему заднему двору проходит его тропа. Нужно будет отговорить барсу-

¹ Имболк — один из четырех праздников ирландского календаря, отмечаемый в начале февраля.

ка выкапывать мои молодые растения, когда придет Остара¹. Тропинка перед калиткой почернела, а деревня стала напоминать месиво из бурых садов и серых, бугристых изваяний, оставленных детьми. Осторожные пешеходы вытоптали в ледяной воде на скользких тротуарах плотные островки осевшего снега. Все мы на время обрели причудливую походку. Каждый шаг короче, чем ожидаешь: или срываешься, оскользнувшись, или неловко напрягаешь мышцы, когда ноги разъезжаются по слякоти. Люди слишком заняты погодой, чтобы причинять мне беспокойство.

Я начала работать в саду, но земля в чудовищном состоянии из-за тающего снега. Мало что можно сделать, разве что распланировать все и предварительно расчистить. Это вынудило меня заняться домом. Комнаты в нем удивительно маленькие и низкие, две в передней части, две позади, и на первом этаже, и на втором, из-за чего спереди он похож на кукольный домик с окнами по обе стороны от входа. Мне не нравится, что дверь открывается прямо у подножия лестницы, но с этим ничего не поделаешь. Чтобы это изменить, нужно перестраивать дом, нанимать рабочих, а чужие люди рядом на несколько недель — это цена, которую я не готова заплатить.

Из передней комнаты выйдет прекрасная гостиная, хотя я редко буду ею пользоваться. Столовую можно приспособить для сушки растений и хранения масел и травяных подушек. Основная работа ждет меня в кухне. Сегодня я провела там много времени, прикидывая, где лучше расставить настойки и мази. В кухне отличная угольная печь, пол выложен квадратной плиткой, стеклянная дверь в сад выходит на запад. Я разожгла печь, бросила в нее пучок шалфея и благословила дом его резко пахнущим дымом. Стоя с закрытыми глазами

¹ Остара — древнегерманское божество, связанное с приходом весны.

и наслаждаясь покоем и радостью, наполнявшими мое новое жилище, я уловила тихий царапающий звук. Волосы у меня на шее встали дыбом, казалось, по хребту ползет гусеница. Я открыла глаза и посмотрела туда, откуда исходил звук. Тревожиться было не о чем. Деревянная мышь с желтой шейкой грызла оконную раму. Я отодвинула защелку.

— Доброго тебе утра, — сказала я. — Может, зайдешь?

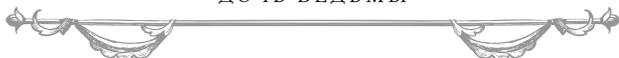
Мышь пару мгновений смотрела на меня блестящими, как росинки, глазами, а потом шмыгнула в открытое окно. Когда она скользнула мимо меня, а ощутила, как холодны ее голые ушки. Мышь обежала кухню кругом, прежде чем устроиться возле плиты, и принялась мыть лапки. Я принесла ей кусочек хлеба.

— Заключим договор, — заявила я. — Скажи своим, чтобы не трогали мои припасы, а я за это буду каждый день оставлять тебе поесть на подоконнике. Согласна?

Мышь прервала свое занятие. Ни звука это крохотное создание не издало; я поняла, что она приняла мои условия. Избавить припасы от внимания мышей — это стоит нескольких крошек.

Я уже расставила по местам дубовый стол, комод и шкафчик с ящиками, который как раз встал рядом с глубокой раковиной; развесила на дальней стене полки для многочисленных банок. В кухне, по счастью, и тепло, и светло, здесь будет приятно работать. Прошлой ночью лунные лучи падали сквозь окна, на которых нет занавесок, и омывали комнату жемчужным светом.

Позже я вышла в рощицу и зажгла свечу, призывая духов и фей леса. Я пригласила их показаться, заверив, что им здесь рады и что я не отниму у них дом, принадлежащий им по праву. Я в их лесу гостя, и пока я здесь, буду пользоваться им бережно и уважительно.

**10 февраля 2007 года,
Луна в четвертой четверти**

Снег стаял, и его сменил стальной мороз, а это значит, что садом я по-прежнему заняться не могу. Тем не менее у меня получилось уделить внимание изгороди из остролиста, — она его давно требовала, — и расчистить место для новых растений. Изгородь, судя по всему, частично насадили, когда строили дом, что, как я понимаю, было больше ста лет назад. Кажется, это случилось так давно, мир столько вращался и содрогался за минувшее столетие. И все же для меня это лишь глава из жизни. По совести сказать, у меня больше общего с древним дубом на деревенском лугу, хотя сомневаюсь, что он видел столько весен, сколько я.

Пока я трудилась над остролистом, прискакала белка, поглядеть, чем я занята. Отличная особь с длинным хвостом и густым серебристым мехом. Я позвала ее, чтобы подошла поближе, и она с радостью забралась по руке ко мне на плечо и уселась там. Общество диких созданий утешает, а их доверие радует. Я поняла, что за мной наблюдают. Разумеется, я постоянно начеку, чувствую, когда на меня смотрят, но в этот раз я не встревожилась. Присутствие незваного гостя было мирным. Я остановилась и потянулась, расправляя уставшую спину, а белка тем временем спрыгнула и поспешила прочь. На дорожке я увидела худенькую девочку. Одета она была не по погоде, мерзла и переминалась с ноги на ногу в модных сапогах. Она смотрела прямо на меня, и на ее приятном лице читалось любопытство.

— Доброе утро, — сказала я и выжидающе замолчала.

— Здравсте. — Голос у незнакомки был мягкий. — Что это вы делаете?

— Как видишь, — я указала совком, — чиню изгородь.